

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-76-101

Судьбы варягов на Руси XI–XII вв. (Якун Слепой, Шимон / Симон и его сын Георгий)

Анна Ф. Литвина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
annalivina@gmail.com*

Федор Б. Успенский

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
fjodor.uspenskiy@gmail.com*

Аннотация. Исследователь, да и просто заинтересованный читатель, обращающийся к истории культуры Древней Руси X–XIII вв., неизбежно сталкивается со своеобразным парадоксом – с одной стороны, роль выходцев из Скандинавии в русской политической и церковной жизни домонгольской поры трудно переоценить; с другой стороны, известия собственно русских письменных источников об этих переселенцах не слишком обильны и весьма фрагментарны. На таком фоне тем более ценны любые отрезки связности и сочленения элементов, обнаруживаемые непосредственно в самих древнерусских источниках. На всем пространстве повествования о X–XII вв., если не считать рода Рюриковичей, здесь можно обнаружить, как ни странно, одну-единственную семью, для которой эксплицитно указывается ее варяжское происхождение, отмечается тесная близость со Скандинавией, и при этом сообщаются сведения о трех поколениях ее представителей. Речь идет о варяге Якуне, его племяннике, Шимоне, и сыне Шимона по имени Георгий. Понадобилось весьма причудливое сплетение обстоятельств для того, чтобы на страницах древнерусских памятников появились представители по меньшей мере трех поколений скандинавского рода, да еще и с недвусмысленным

© Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б., 2020

В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

указанием на их варяжское происхождение. Этот не исчезающий пункт варяжского родословия, как кажется, укрепляет предположение о том, что часть нетривиальных рассказов летописи – это не что иное, как отголоски родовых преданий знатных семей, чьи потомки так или иначе лично соприкасались с книжниками, причастными к созданию письменной истории Древней Руси.

Ключевые слова: домонгольская Русь, средневековая Норвегия, варяги, королевские саги, культ святых, Киево-Печерский монастырь, «Повесть временных лет», Киево-Печерский патерик

Для цитирования: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Судьбы варягов на Руси XI–XII вв. (Якун Слепой, Шимон / Симон и его сын Георгий) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 76–101. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-76-101

The Destinies of Varangians in 11th – to 12th - century Rus' (Yakun the 'Blind', S(h)imon and his son George)

Anna F. Litvina

*National Research University "Higher School of Economics" (HSE)
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
annalivina@gmail.com*

Fedor B. Uspenskii

*V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
National Research University "Higher School of Economics" (HSE), Moscow, Russia
fjodor.uspenskiij@gmail.com*

Abstract. Any scholar, or indeed any interested reader, concerned with the cultural history of Rus' in the 10th to 13th centuries has inevitably to face a kind of paradox: while the role of Scandinavians in the political and ecclesiastical life of pre-Mongol Rus' was far from insignificant, the evidence from native Russian sources concerning this group of immigrants is scarce and quite fragmented. Against this background, any coherent sequence of elements on Russian–Scandinavian relations in extant Old Russian written sources acquires particular importance. Extraordinarily, across the entirety of the narrative space of the 10th to 12th centuries, Rurikids aside, there is just a single family whose Varangian origins are identified explicitly, whose close affinities with Scandinavia are noted, and for whom biographical details of three men representing three generations are given. These three men are Yakun the Varangian, his nephew Shimon and one of Shimon's sons, named George. A very curious series of coincidences was therefore needed to leave records of at least three generations of a Scandinavian family in Old Russian manuscripts – and records containing unambiguous indications of their Varangian origin. This ongoing investigation into Varangian genealogy seems to support the suggestion that some of the chronicle's more complex and enigmatic stories may echo oral histories of aris-

tocratic families whose descendants, in one way or another, had personal ties to writers involved in creating the history of Rus’.

Keywords: pre-Mongol Rus’, Medieval Norway, Varangians, Cult of Saints, Kievan Crypt Monastery, Kings’ sagas, The Tale of Bygone Years, Kievan Crypt Patericon

For citation: Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2020), “The Destinies of Varangians in 11th – to 12th-century Rus’ (Yakun the ‘Blind’, S(h)imon and his son George)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 76-101, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-76-101

Исследователь, да и просто заинтересованный читатель, обращающийся к истории культуры Древней Руси X–XIII вв., неизбежно сталкивается со своеобразным парадоксом – с одной стороны, роль выходцев из Скандинавии в русской политической и церковной жизни домонгольской поры трудно переоценить; с другой стороны, известия собственно русских письменных источников об этих переселенцах не слишком обильны и весьма фрагментарны.

Примеров такой обрывочности можно привести множество. В самом деле, «Повесть временных лет» достаточно радикально сообщает о варяжском происхождении новгородцев («суть людье Нооугородьци ѿ рода Варяжьска» – ПСРЛ, I: 20), однако в дальнейшем ни здесь, ни в Новгородской первой летописи мы не найдем ни одного непосредственного указания на скандинавскую родословную какого бы то ни было из живущих в Новгороде семейств¹. Еще более недвусмысленно древнейшие летописи говорят о варяжском происхождении Рюрика, основателя династии, которой предстояло править Русью на протяжении шести ближайших столетий. При этом никаких сведений о родителях, не говоря уж о более отдаленных скандинавских предках Рюрика и его братьев, Синеуса и Трувора, летописец не сообщает, что в высшей степени странно на фоне того внимания к генеалогии, которое проявляет скандинавский нарратив, повествующий о событиях этого времени.

Если говорить об XI столетии, то мы знаем, например, что Ярослав Мудрый, праправнук Рюрика, был женат на дочери шведского конунга Ингигерд (Ирине), а их дочь была отдана в Норвегию, за конунга Харальда Сурового. Однако все эти сведения почерпнуты отнюдь не из русских источников, здесь какие бы то ни было данные о семейных связях Ярослава со скандинавским миром по-

¹ О некоторых косвенных и внелетописных данных, позволяющих восстановить генеалогию таких семей, см. далее.

просто отсутствуют. Ничуть не больше интересовали летописцев и скандинавские браки его праправнучек, приходящиеся уже на XII столетие.

Россыпь скандинавских имен, прямые и очевидные лексические заимствования, отдельные упоминания об участии варяжских дружин в военных предприятиях русских князей, некоторые общие для двух культурных традиций повествовательные мотивы и сюжеты, которые мы обнаруживаем в текстах, созданных на Руси, дают достаточно обильную почву для соотнесения с показаниями иностранных источников, но сами по себе сколько-нибудь последовательной и связной картины скандинаво-русского взаимодействия X–XII вв. не формируют. Эта картина успешно достраивается усилиями множества исследователей, но ни на каком этапе не может быть избавлена от весьма заметной доли гипотетичности².

Такое положение дел окажется не столь удивительным, если вспомнить, что IX–XII вв. – времена, на которые пришлось интересующие нас контакты, – отчасти непосредственно предшествовали, а в значительной степени попросту совпадали с эпохой грандиозных сдвигов и перемен в истории Руси и Скандинавии. Распространение христианства, крещение отдельных правителей и их окружения, а затем и целых народов, становление единовластных династий и формирование собственного круга почитаемых святых шли бок о бок с возникновением письменной культуры нового типа, которая была порождением и частью этих инновационных процессов. Неудивительно поэтому, что в ее недрах большее отчасти погребло под собой меньшее – некогда судьбоносное взаимодействие с близкими соседями интересовало книжников лишь постольку, поскольку оно соответствовало этим новым перспективам.

Дело усугубляется еще и тем, что русские хронографические сочинения, из которых мы черпаем наши знания о скандинавском присутствии, будь то «Повесть временных лет» или Новгородская первая летопись, были впервые занесены на пергамент отнюдь не в тот период, когда взаимодействие с варягами было особенно интенсивным, но лишь в ту пору, когда оно начало заметно ослабевать.

² Исследования такого рода велись по крайней мере с XVIII столетия. Если говорить не о Юриковичах, а о других русских знатных семействах, то можно упомянуть, в частности, реконструкцию варяжского происхождения новгородских бояр Роговичей-Гюрятиничей, предпринятую А.А. Молчановым [Молчанов 1997] и А.А. Гишпиусом [Гишпиус 2006]. Весьма существенно при этом, что в русских летописных и нелетописных источниках мы не находим ни единого упоминания о том, что предки или родичи кого-либо из Роговичей и Гюрятиничей пришли на Русь из Скандинавии.

До нас же эти тексты дошли в списках еще более поздних, когда такие контакты окончательно отходили в область минувшего и различные их приметы – некогда понятные без объяснений – стали загадочными или неважными.

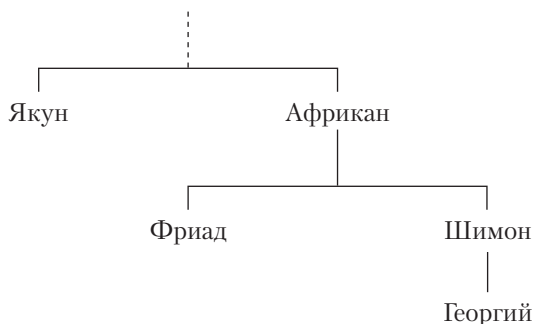
Иначе говоря, письменная традиция, парадоксальным образом, оказывается одновременно и зеркалом, в котором можно разглядеть контуры интересующей нас близости, и барьером, нуждающимся в преодолении.

На таком фоне тем более ценны любые отрезки связности и сочленения элементов, обнаруживаемые непосредственно в самих древнерусских источниках. На всем пространстве повествования о X–XII вв., если не считать рода Рюриковичей, здесь можно обнаружить, как ни странно, одну-единственную семью, для которой эксплицитно указывается ее варяжское происхождение, отмечается тесная близость со Скандинавией, и при этом сообщаются сведения о трех поколениях ее представителей.

Речь идет о варяге Якуне, его племяннике, Шимоне, и сыне Шимона по имени *Георгий*. Упоминание всех троих мы находим в Киево-Печерском патерике, здесь же названо имя родного брата Шимона и имя его отца, приходившегося, соответственно, братом Якуну:

Бысть въ земли Варяжской князь Аѳриканъ, брат Якуна слепаго, иже отбеже отъ златы руды, біася плъком по Ярославѣ с лютымъ Мстиславомъ. И сему Аѳрикану бяху два сына: Фриадъ и Шимонъ. По смерти же отцю ею изъгна Якунъ обою брату отъ области ею. Приде же Шимонъ къ благовѣрному князю нашему Ярославу. <...> И сий убо Симонъ (= Шимон) пръвѣй положень бысть въ тои церкви. Оттоле сынъ его Георгій велику любовь имѣаше ко святому тому мѣсту (Абрамович 1911, с. 3, 5).

Представим информацию из этого источника в виде генеалогической схемы:

Содержащийся в патерике рассказ посвящен Шимону и отчисти его сыну Георгию. В том же, что касается Якуна, повествователь явным образом ориентируется на рассказ о Лиственской битве, помещенный в «Повести временных лет» под 1024 г.

...и възвративъся Ирѡславъ приде Новуногороду . и посла за море по Варагы . и приде Икунъ с Варагы . и бѣ Икунъ слѣпъ . [и] луда бѣ оу него золотомъ истъкана . и приде къ Ирѡславу . [и] иде Ирѡславъ съ Икуномъ на Мьстислава. <...> ...видѣвъ же Ирѡславъ аѡко побѣжаемъ есть . побѣже съ Икуномъ княземъ Варажъскимъ . и Икунъ ту вѣбже луды златоѣ . Ирѡславъ же приде Новугороду . а Икунъ иде за море (ПСРЛ, I: 148).

Тот факт, что составитель патерика опирался на летописный текст, сомнений не вызывает, однако это обстоятельство не делает фигуру слепого предводителя варягов менее загадочной. Разумеется, этот образ, по крайней мере с середины XIX в., неоднократно привлекал внимание исследователей, а в последние 20 лет его популярность заметно возросла.

На сегодняшний день подавляющее большинство ученых приняло поправку, предложенную Н.П. Ламбиным [Ламбин 1858, с. 65–76], согласно которой вместо *слѣпъ* следует читать *съ лѣпъ*, а Якуна, соответственно, по удачному выражению С.М. Михеева [Михеев 2008, с. 27], считать не слепцом, но красавцем. Самое имя *Якун* (*Акун*) весьма надежно отождествляется с распространенным скандинавским антропонимом *Hákonr* [Kunik 1844, с. 139–140; Kunik 1845, с. 171–172].

Весьма любопытно и обозначение того предмета, от которого Якун отбежал в ходе Лиственской битвы – в некоторых редакциях патерика мы находим здесь слово *руда*; в других же списках и, что еще более существенно, в летописном тексте, который в данном фрагменте, несомненно, первичен по отношению к патерику, на месте *руды* присутствует *луда*. Уже в XIX в. стало очевидно, что лексема *луда* связана со скандинавским *lōdi* ‘плотный плащ, верхняя одежда’ (ср.: [Ламбин 1858, с. 53–65]; Фасмер, II: 529). В древнерусских текстах слово это появляется хотя и редко, но не единожды: характерным образом, одежда, обозначаемая термином *луда*, является атрибутом иностранца, причем фигурирует оно в описаниях событий, случившихся в течение XI в. (ПСРЛ, I: 190). Скорее всего, для составителей некоторых редакций патерика оно сделалось решительно непонятным, а потому заменялось на более привычное *руда*, которое лишь прибавляло тексту загадочности, но по крайней мере избавляло от столкновения с неизвестным термином.

В текстах еще более поздних, ориентированных на соответствующие редакции патерики, конструкция, повествующая о поступке Якуна, претерпевала дальнейшие трансформации, избавляющие ее за счет утраты глагола от противоречивости, но делающие еще более таинственной роль этой руды в судьбе варяга. Характерно, помимо всего прочего, что для летописного текста вполне достаточно упоминания о том, что Якун был варяжским князем, автору же позднерусского текста для придания большей значимости своим протагонистам может понадобиться приписать их роду происхождение от римских кесарей³.

Подобные признаки размыwania в веках характеристики нашего Якуна заставляют лишний раз задуматься над тем, что в «Повести временных лет» этот скандинав описан весьма нетривиально. В самом деле, как уже отмечалось, он единственный из варягов, если не считать род Рюрика, кто обладает титулом *князь* в летописи. Летописец – в целом крайне скупой на описания одеяний и внешнего облика своих персонажей – в данном случае специально оговаривает, что Якун был *хорош собой* и дважды упоминает о его *золотом плаще*: в самом деле, мы не знаем решительно ничего о том, как именно были одеты (ни в этот день, ни когда бы то ни было) остальные участники событий, например, русские князья Ярослав Мудрый и Мстислав Тмутараканский, тогда как для Якуна определенная деталь костюма почему-то оказалась заслуживающей повышенного внимания.

Загадочной, разумеется, является и вся глагольная конструкция, связанная с плащом Якуна – *ѡбѣже луды златѡъ*. Хотя глагол *отѣжати* / *отѣгнути* в сочетании с существительным в родительном падеже еще несколько раз употребляется в летописях в значении ‘бросить, бежав с поля боя’ [Гиппиус 2007, с. 56]⁴, однако

³ Ср. в Житии Евфросинии Суздальской (XVI в.): «род же его (князя Мины Ивановича Суздальского) влечяшеся от варягъ, от Шимона князя Африкановича, Африкан же бѣ братъ Якуна слѣпаго, иже от златѣа руды; род же их от Клавдия кесаря Римскаго; от того убо корене род Суждальскихъ князеи» [Клосс 2001, с. 381]. Вероятно, помимо всего прочего, агиограф пытается тем или иным образом соотнести слова *род* и *руда*; при этом *руда* для него уже, возможно, ассоциируется с кровью. Для памятников XI–XIV вв. такое значение слова *руда* не зафиксировано, но в текстах XVII в. оно уже присутствует (Срезневский, III: 187; СДРЯ, X: 471; ср. СлРЯ XI–XVII вв., XXII: 233–234).

⁴ В материалах к словарю И.И. Срезневского значение глагола *отѣгнути* в соответствующих контекстах определяется как ‘лишиться, потерять’, а в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» и в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» как ‘потерять’.

в других случаях речь идет об утрате столь символически значимого предмета, как з н а м я (ПСРЛ, I: 282; II: 725–726), или столь необходимого в ситуации бегства, как л о д к и (ПСРЛ, III: 27 – Синодальный список; 213 – Комиссионный список). Остается неясным, почему в подобной функции на исходе Ливенской битвы выступает п л а щ варяга.

Как кажется, набор уникальных черт в описании этого персонажа позволяет заподозрить, что первым составителям летописного рассказа и его аудитории о Якуне было известно больше, чем современному читателю открывается с первого взгляда. Иными словами, сами по себе эти черты дают возможность историку попытаться определить, кто из скандинавов той эпохи скрывается за летописным Якуном, а филологу – проследить, каким образом в русском летописном и нелетописном нарративе могли закрепляться варяжские микросюжеты.

Относительно личности Якуна / Хакона усилиями ряда исследователей было сформировано весьма убедительное предположение, согласно которому в Ливенской битве участвовал не кто иной, как хладирский ярл Хакон Эйрикссон ([Brate 1925, p. 16; Pritsak 1981, p. 412–416; Прицак 1997, с. 440–454]; ср. также: [Stender-Petersen 1953, p. 137–138]). Было продемонстрировано, что на эту версию отождествления работает очень многое.

К р а с о т а многократно отмечается в скандинавских источниках как своеобразная родовая метка хладирских ярлов [Михеев 2008, с. 28]. Княжеский титул вполне приличествует человеку, чей дед был единоличным правителем Норвегии, а сам он на протяжении жизни то с большим, то с меньшим успехом претендовал на эти властные права. В русской перспективе еще более существенно, что род хладирских ярлов был связан с Рюриковичами узами свойства⁵: дядя Хакон Эйрикссона, Свейн Хаконарсон, был

⁵ Строго говоря, не исключено, что жена Ярослава Мудрого, Ингигерд, а следовательно, и дети этой супружеской четы, были связаны с Хаконем / Якуном не только свойством, но и родством по крови. Правда, речь идет о весьма туманной и запутанной генеалогии по женской линии. Согласно сагам, матерью нашего Хаконя была Гюда, дочь Свейна Виллобородого, конунга Дании и правителя Англии, одного из самых могущественных государей своего времени (КЗ: 153). Свейн же был женат на вдове Эйрика Победоносного, отца Олава Шведского и деда Ингигерд. Возможно, таким образом, что Гюда и Олав Шведский были детьми одной и той же женщины, единоутробными братом и сестрой; их же дети, Ингигерд и Хакон, в таком случае оказываются братом и сестрой двоюродными. Однако проблематичность подобного генеалогического сценария заключается в том, что вдова Эйрика Победоносного была не единственной женой Свейна Виллобородого, и кто

своёком Ярослава Мудрого – они были женаты на сестрах, дочерях конунга Олава Шведского (Ярослав, как уже упоминалось, вступил в брак с Ингигерд (Ириной), а Свейн – с Хольмфрид)⁶. Таким образом, перед нами разворачивается картина, с которой мы еще не раз столкнемся в династической политике Рюриковичей – затеяв конфликт с кем-либо из близких кровных родственников (в данном случае – со своим братом), князь охотно прибегает к помощи кого-либо из своих свойственников. Подчеркнуть знатность этих свойственников в такой ситуации – более чем естественно. То обстоятельство, что отец и дядя Хакона не раз бывали и сражались на Руси, разумеется, лишь добавляет ценности той помощи, которая ожидалась от их отпрыска, на чьей бы стороне его родичи ни выступали прежде.

Иными словами, если гипотеза о тождестве Якуна и Хакона Эйрикссона верна, то две нетривиальные детали из летописи – княжеский титул варяга и его красота – оказываются отнюдь не случайными. Мы попытались продемонстрировать, что неслучайной является и третья нетривиальная деталь из рассказа о Якуне, та самая золотая луда, которая доставила более всего хлопот позднейшим средневековым авторам, так или иначе опиравшихся на этот текст [Литвина & Успенский 2019, с. 151–175]. Неожиданное пристрастие летописца к этой верхней одежде могло быть обусловлено его осведомленностью в родовой истории своего героя.

Для того чтобы увидеть, что значил плащ для хладирских яров, следует обратиться к фигуре самого прославленного из них – Хакона Сигурдарсона Могучего, последнего языческого правителя

из его отпрысков от какого брака появился на свет, зачастую решительно непонятно – здесь данные саг порой вступают в прямое противоречие с показаниями латиноязычных континентальных источников (о женах Свейна Вилобородого см., в частности: [Успенский 2002, с. 25–29], с указанием литературы). Если же мы принимаем другие иные генеалогические варианты, связанные с браками Эйрика Победоносного и Свейна Вилобородого, то в любом случае, даже не будучи кровными родственниками, жена Ярослава Мудрого и наш Хакон / Якун оказываются, так сказать, кузенами сводными, детьми тех, кто приходились друг другу сводным братом и сестрой – такая связь в родовом мире также едва ли могла остаться незамеченной.

⁶ Помимо всего прочего, тетка Хакона / Якуна (сестра его матери) – Эстрид, дочь датского конунга Свейна Вилобородого – в свое время побывала замужем за неким «сыном короля Руси» – Adam: 114, Lib. II. Schol. 39 (40). В других источниках это сообщение отсутствует, а у исследователей нет единого мнения о том, кем был русский муж Эстрид. В числе прочих высказывались предположения, что под сыном короля Руси подразумевается один из братьев Ярослава Мудрого или же один из его сыновей (см. подробнее: [Назаренко 2001, с. 476–484]).

Норвегии. Он боролся за власть с Олавом Трюггвасоном, когда тот возвратился из Руси, в какой-то момент был вынужден спастись от преследователей, некоторое время укрывался от них и окончил свои дни в яме под свиным хлевом, служившей ему убежищем.

Описание этих событий представлено в нескольких саговых источниках, которые в целом согласны друг с другом, но различаются в расстановке акцентов и степени внимания к разным эпизодам бегства норвежского ярла, закончившегося его убийством. Прочитируем самый древний из сохранившихся образчиков повествования о бегстве Хакона Могучего, так называемую «Сагу об Олаве, сыне Трюггви» монаха Одда Сноррасона⁷, где не только описываются, но и интерпретируются устами его преследователей совершенно определенные манипуляции ярла с плащом. Для начала повествователь сообщает, что Хакон Могучий в сопровождении раба Карка «верхом подвез к большой реке и пересек ее; на нем был шелковый плащ (*silki mottul*), он снял его с плеч и бросил в реку; затем они отправились в Гаулардаль в поисках убежища» (ÓTODdr: 78, k. Xxi).

Позже читатель оказывается на реке Гауль уже с преследователями ярла, конунгом Олавом Трюггвасоном и его людьми:

Олав, сын Трюггви, продолжил преследование и подъехал с большой свитой людей к той реке, о которой говорилось прежде. И вот они видят прибывший к островку плащ (*Ос nu sia þeir möttulinn rekinn ieygi eina*). И когда его достали и поняли, что это плащ, который принадлежал ярлу, многие стали говорить, что ярл утонул здесь, и нет нужды продолжать его поиски. Тогда один старик сказал: «Нет, вам неизвестна хитрость ярла, если вы полагаете, что он сгинул в этой реке. Это его искусная уловка – сбросить с себя плащ (*at casta af ser motlinum*), дабы вы решили, что он здесь и погиб» – ÓTODdr (A): 79–80, k. xxi⁸.

⁷ Сага монаха Одда является самым старшим из сохранившихся жизнеописаний Олава Трюггвасона. Она была написана на латыни в конце XII в. и вскоре переведена на древнеисландский. Этот-то перевод, выполненный в самом конце столетия, и дошел до нас в трех различных редакциях, от латинского оригинала сохранились лишь краткие отрывки.

⁸ Ср. также вариант этого же рассказа в другой редакции саги монаха Одда: «И когда они прибыли к реке, где вынесло плащ, многие узнали, кому он принадлежал, а увидев выброшенный плащ и мертвого коня, большинство людей решили, что ярл утонул и нет нужды продолжать его поиски (*Ok er þeir O. komo at anni er möttulinn rak tok þeir hann. ok kenvd margir hverr att hafde ok ætlvðv flester at iarlinn mvnde drvknað hafa er þeir sa hestinn dāpan ok möttvlinn rekinn ok þotti eigi þvrfā at leita hans*). Тогда один старик сказал: ‘Вам не знакома ни сноровка, ни мудрость Хакона ярла, если вы уверены, что он утонул в этой реке, и вы не понимаете, что это сделано <с умыслом> для того, чтобы обмануть вас’» (ÓTODdr (S): 79–80, k. Xv).

Люди поверили речам старика, продолжили поиски и, в конце концов, оказались в Гаулардале, на хуторе Римуль.

Итак, совершенно очевидно, что традиция приписывает Хакону Могучему ловкий трюк с плащом, когда обладатель драгоценной и, что более существенно, легко опознаваемой вещи бросает ее, чтобы избавиться от преследования. Такого рода тактические хитрости, весьма универсальные сами по себе и фигурирующие в самых разных нарративах – от образчиков фольклора до литературных текстов античности, – охотно сопрягаются в средневековой хронографии, а особенно в сагах, с тем или иным конкретным лицом. Они становятся его запоминающимся маркером и атрибутом, упоминаются то развернуто (как у монаха Одда), то кратко (как у Снорри Стурлусона в «Круге Земном» – Нкр., I: 350; КЗ: 129–130, или в «Обзоре саг о норвежских конунгах» – Ågr.: 25), порой превращаются в нечто вроде устойчивой характеристики⁹.

Безусловно, и в реальной жизни, и в мировой литературе можно подыскать множество случаев, когда беглец бросает свою приметную верхнюю одежду, отличающую его от прочих людей, ради спасения собственной жизни. Однако в саговой традиции главным носителем этого трюка, если так можно выразиться, является именно ярл Хакон Могучий. Для родовой картины мира нет ничего более естественного, чем проекция облика, характера и поступков предка, тем более предка столь прославленного, как этот последний языческий правитель, владевший всей Норвегией, на его потомков. Наш же Хакон Эйрикссон, который, как мы полагаем, фигурирует в русской летописи как предводитель варягов Якун, приходился Хакону Могучему родным внуком и был в честь него наречен; в определенном смысле, выбиравший имя надеялся именно в нем увидеть новое воплощение великого деда. Славиться своей знатностью, подобно деду (вспомним титул *князь* в летописи), быть красивым, как дед, и применять в случае неудачи его военные уловки – это, в сущности, и означало быть его полноценным тезкой, достойным подобием.

Человек, живущий внутри саговой традиции, безусловно, легко мог выбрать для рассказа о Хаконе / Якуне все эти детали, потому

⁹ Упоминание о плаще, сброшенном в процессе бегства, присутствует в целом ряде дошедших до нас письменных текстов о последних днях Хакона Могучего. Из древнейших памятников нет его в «Красивой коже», своде саг, записанном приблизительно в 20-е годы XIII в. (Fsk.: 106), и в «Саге о йомсвикингах» (Jmsv.: 101), кроме того, интересующий нас рассказ отсутствует в латиноязычных сочинениях, в анонимной «Истории Норвегии» и в так называемой «Истории о древних норвежских королях» монаха Теодрика.

что именно они маркировали его родовую и династическую принадлежность и для его характеристики были, быть может, важнее и нагляднее, чем указание каких-то сугубо индивидуальных черт. То обстоятельство, что русский составитель рассказа о Лиственской битве приводит именно эти детали, в целом для летописного повествования несвойственные, говорит о том, что он был знаком, так сказать, со скандинавской точкой зрения.

Собственно говоря, для человека первой половины XI столетия ничего удивительного в этой погруженности в варяжский контекст нет. Владимир Святой, отец двух русских князей-братьев, Ярослава и Мстислава, в молодости прожил некоторое время в Скандинавии. Виновник гибели Хакона Могучего, конунг Олав Трюггвасон, прежде чем вступить с ним в борьбу, провел значительную часть молодости на Руси. Сам Ярослав княжил в Новгороде и к услугам варяжской дружины на разных этапах своей политической карьеры прибегал не раз.

Наконец, существовал тот туго заплетенный клубок свойств, в который были включены и Ярослав Мудрый, и гонитель молодого Хакона Эйрикссона, конунг Олав Святой, и родной дядя Хакона, ярл Свейн Хаконарсон – все трое были женаты на дочерях Олава Шведского. Согласно сагам, Олав Святой сперва соперничал с Ярославом за Ингигерд (Ирину), но потом, женившись на ее сестре и сделавшись его свояком, по-видимому, поддерживал с Ярославом вполне дружественные отношения – в ту пору, когда Лиственская битва была уже позади, Олав нашел пристанище при дворе Ярослава и Ингигерд и оставил им на воспитание своего сына, будущего конунга Норвегии Магнуса Доброго.

Если взглянуть в этой родовой перспективе на действия нашего Хакона / Якуна, то получается, что он, будучи выдворен из Норвегии одним свояком своего родного дяди (Олавом Святым), попросту отправляется к другому – Ярославу Мудрому.

Разумеется, и все эти правители, и их окружение, взаимодействовавшие столь тесно, должны были знать весьма многое друг о друге, а для той эпохи подобные знания подразумевали осведомленность в ближайшей родовой истории, которая была одним из главных аргументов для легитимизации властных претензий. Судьба и обстоятельства смерти Хакона Могучего играли в этой истории отнюдь не последнюю роль.

Однако, как уже упоминалось, к последней трети XI столетия, ко времени сложения «Повести временных лет», все эти знания в значительной степени успели утратить свою актуальность, и потому-то нам приходится отыскивать их точечные следы в летописном нарративе. Почему же так посчастливилось именно Якуну, участни-

ку Лиственской битвы? Почему некоторые уникальные детали его родового облика не только попали в летопись, но и перешли оттуда – пусть и в трансформированном, подчас искаженном, виде – в более поздние источники? Как кажется, произошло это благодаря счастливому стечению двух обстоятельств совершенно разного порядка.

Дальнейшие перипетии многотрудной и разнообразной судьбы самого Якуна / Хакона Эйрикссона, по всей видимости, с Русью связаны уже не были, однако здесь появляется и навсегда остается представитель следующего поколения его семьи. Согласно Киево-Печерскому патерику, приблизительно в середине XI столетия на Русь попадает его родной племянник. Он успевает застать здесь князя Ярослава Владимировича, а тот приставляет его к одному из своих младших сыновей, Всеволоду. Что еще более существенно, прожив здесь значительную часть жизни в качестве привилегированного члена княжеской дружины, варяг становится ктиторм одной из главных церквей Печерского монастыря, где его со временем и погребают.

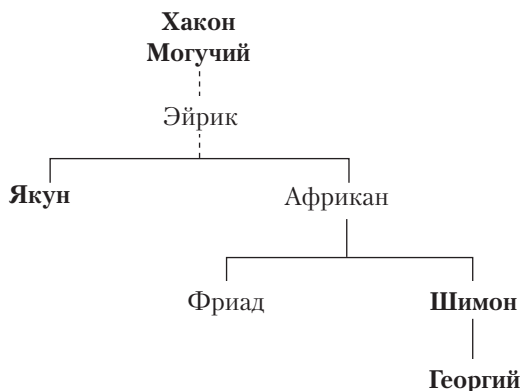
По-видимому, уже на Руси рождается его сын, еще один потомок хладирских ярлов, приходившийся, соответственно, внучатым племянником Якуну. Характерным образом, мальчик получает имя *Георгий*, которое связывает его не с родиной предков, но с Русью и с русским княжеским родом – едва ли случайно, что он становится тезкой отцовского покровителя и свойственника, Ярослава-Георгия Мудрого. Получить его княжеское имя, *Ярослав*, мальчик не мог никак, поскольку княжеские имена представляли собой нечто вроде неотчуждаемого династического имущества. Христианские же имена князей находились вне этих династических ограничений. «Подарил» ли Ярослав свое крестильное имя сыну знатного варяга, находившегося у него на службе, или тот решил таким образом подчеркнуть свою связь со знаменитым князем уже после его смерти, сказать наверняка невозможно, хотя последняя версия представляется более предпочтительной по соображениям хронологии¹⁰.

¹⁰ Не исключено, что со временем между Рюриковичами, потомками Юрия Долгорукого, и родом Георгия Шимоновича возникает еще одна родственная связь, хотя надежно доказать такую гипотезу едва ли возможно. Дело в том, что у сына Юрия, Всеволода Большое Гнездо, имеется загадочный родич, в летописи он именуется *сестричицем* князя, т. е. сыном его сестры, некой дочки Юрия Долгорукого. По летописному свидетельству (ПСРЛ, II: 658), этот княжеский племянник носил имя *Яков*, и при этом самый характер сообщения о нем практически не оставляет сомнений в том, что по отцу этот Яков к роду Рюриковичей не принадлежал, хотя играл в семейной жизни этой ветви княжеского рода заметную роль (именно он возглавляет свадебное посольство своей кузины). За кого выдали замуж

Так или иначе, этому Георгию суждено было сделаться воспитателем своего тезки, князя Юрия Долгорукого (внука Всеволода Ярославича и правнука Ярослава-Георгия Мудрого). Юрий Долгорукий, как известно, был в совсем юном возрасте отправлен на самостоятельное княжение в Суздальскую землю, и Георгий находился при нем. Впоследствии же, согласно рассказу патерика, он благодаря своему воспитаннику сделался тысяцким в этих краях. Подобно своему отцу, Георгий был щедрым вкладчиком, а также, по-видимому, и деятельным участником жизни Печерской обители – во всяком случае и в летописи, и в патерике содержатся указания на то, что именно он оковал гробницу св. Феодосия (ПСРЛ, II: 293; Абрамович 1911: 61–64); патерик же, кроме того, сообщает о чуде, связанном с его дарением, присланным уже из суздальских краев, и об особой его приверженности монастырю, которую он защал своим потомкам.

Столь тесная связь трех поколений этой семьи с династией Рюриковичей, разумеется, увеличивала шансы потомков хладирских ярлов на то, чтобы войти в местную историю. Однако мы знаем, что и более значимые контакты князей с представителями варяжского мира могли пройти незамеченными для русских книжников. Большую роль в сохранности исторической памяти о представите-

ту княжну Юрьевну, которая стала матерью Якова, остается загадкой. Известно при этом, что одни и те же имена повторялись и передавались по наследству не только у Рюриковичей, но и в других знатных родах из их окружения. При этом на Руси имя *Якун* (< *Hakonr*) с определенного времени начинает сливаться с христианским именем *Яков*, различия между ними все более сглаживаются благодаря существованию тождественных уменьшительных форм (ср., например, *Якша*), и с какого-то момента *Якун*, по-видимому, воспринимается как своего рода производное от *Яков*. Иными словами, ребенка могли нарекать *Иаковом* в крещении, давая ему тем самым имя в честь предка, звавшегося *Якуном* (о подобных антропонимических процессах см. подробнее: [Унбегаун 1989, с. 80; Гиппиус, Успенский 2000; Гиппиус 2006, с. 97]). Не был ли интересующий нас сестричич Всеволода Большое Гнездо отдаленным потомком хладирских ярлов, у которых имя *Хакон*, передававшееся на Руси как *Якун*, было родовым? Как кажется, Юрий Долгорукий вполне мог бы отдать одну из дочерей замуж за сына или внука своего воспитателя Георгия Шимоновича, чья знатность не уступала, в сущности, его собственной. Мы знаем, во всяком случае, что один из сыновей Юрия Долгорукого по распоряжению отца вступил в брак в Новгороде с представительницей боярского рода Михалковичей, причем род этот, возможно, тоже имел скандинавские корни (см. о нем подробнее: [Гиппиус 2006, с. 102]). Подчеркнем, однако, что несмотря на все указания патерика на то, что князь Юрий чтит Георгия Шимоновича, никаких более определенных данных о браке между членами их семей в нашем распоряжении нет.

лях этого рода могла сыграть вовлеченность Якунова племянника в жизнь Киево-Печерского монастыря именно в ту пору, когда выходцы из этого важнейшего центра русской книжности имели прямое и непосредственное отношение к составлению русской летописи. Попросту говоря, Якуновы родичи (племянник и внучатый племянник) могли быть лично знакомы и соприкасаться с теми, кто так или иначе приложил руку к летописному тексту, и именно этим мы обязаны столь нетривиальным подробностям в рассказе о Лиственской битве 1024 г. «Повести временных лет».

Выразительной параллелью здесь может служить история знаменитого Яна Вышатича, который прожил чрезвычайно долгую жизнь, был знаком с составителем летописи и успел сообщить ему целый ряд деталей, связанных не только со своей собственной биографией, но и с биографией своего отца, жившего и действовавшего, как и варяг Якун, в первой половине XI в.:

...в се же лѣто престависѣ **И**нь старецъ добрыи . живѣ . лѣтъ . **ч** .
 въ старостѣ маститѣ . живѣ по закону **Б**жию . не хужии первыхъ праведникѣ . оу него же азъ слышахъ многа словеса . **т**аже вписахъ в лѣтописиць . бѣ бо мужъ блѣгъ и кротокъ . и смѣренъ . ѿгребасѣ ѿ всакоа вещи . егоже и гробъ есть в Печерьскомъ монастырѣ оу притворѣ . идѣже лежить тѣло его положено . мѣца . июня . въ . **к**д (ПСРЛ, I: 281; II: 257)¹¹.

¹¹ Ср. также знаменитый рассказ о походе старшего сына Ярослава Мудрого, Владимира, на Царьград, открывающийся словами: «Посла **Я**рославъ Володимира . сѣа своего на **Г**рѣкы . и да ему воа многы . а воеводство поручи Вышатѣ ѿцо **И**нєву» (ПСРЛ, I: 154; II: 142). Здесь мы обнаруживаем описание пленения Вышаты и его освобождения из плена, а также передачу его прямой речи. Такого рода обстоятельность в изображении человека,

Весьма характерно, что Янь Вышатич, точно так же, как и Якунов племянник, был погребен в Киево-Печерском монастыре. По-видимому, для составителя летописи возможность созерцать могилу того или иного лица непосредственно в пределах собственной обители являлась весьма немаловажным стимулом для того, чтобы рассказать о связанных с ним событиях чуть более подробно. Не исключено, к примеру, что именно этому обстоятельству мы обязаны некоторыми сведениями о судьбах княжеских жен и дочерей, сведениями, которые в противном случае легко могли бы не появиться на страницах летописи¹².

Роль Яня Вышатича как информанта была более существенной, однако и Якунов племянник, по всей вероятности, успел сообщить не только князьям, которым служил, но и насельникам Печерского монастыря ряд деталей о том из своих старших родичей, кто еще до него побывал на русской службе. Разумеется, для этого варяга и к концу XI столетия была в высшей степени актуальна собственная родовая история, и он знал множество деталей как о своем дяде (каковы бы ни были их отношения), так и о самом прославленном из своих предков – собственном прадеде, ярле Хаконе Могучем, в честь которого дядя в свое время и был назван. В летопись же попало именно то, что в скандинавской перспективе связывало Якуна / Хакона с Хаконем Могучим и в то же время имело непосредственное отношение к Руси, к династической истории Рюриковичей.

Существенно, впрочем, что не всем погребенным в монастыре ктиторами и вкладчикам повезло настолько, что память об их гене-

который князем не был, явление довольно редкое для летописного повествования об XI в. Более того, в еще одном летописном рассказе, который есть как в Ипатьевской, так и в Новгородской первой летописях, приводится имя Вышатиного отца, приходившегося, соответственно, дедом Яню Вышатичу: «...Вышата снъ Устромирь . воеводы Новгородского» (ПСРЛ, II: 152; III: 184 – Комиссионный список).

¹² В этом отношении весьма любопытен случай Евпраксии Всеволодовны, побывавшей, как мы знаем из латиноязычных источников, замужем за саксонским маркграфом Генрихом, а затем и за его тезкой – императором Генрихом IV. После скандального расставания со вторым мужем Евпраксия вернулась на Русь. Характерным образом, все то, что происходило с ней за границей, летописец не зафиксировал вовсе, как остался незафиксированным и самый факт ее появления на свет. Однако поздний и посмертный этапы ее биографии в летописи отражены более подробно, чем это обычно делалось для женщин из дома Рюриковичей: «...в то же лѣто пострижеса Еоупракси . Всеволожа дщи . мѣца . декабра . въ . s . днѣ» (ПСРЛ, I: 281; II: 257); «пристависѧ Евѡпраксии Всеволожа дщи . мѣца июля . въ .

алогии сохранилась еще и за пределами летописного текста. Так, пресловутый Янь и его жена фигурируют в Киево-Печерском патерике (Абрамович 1911: 61, 243), этот же рассказ о прозорливости Феодосия, предсказавшего смерть Яневой жены и точное место ее погребения, мы находим и в летописи (ПСРЛ, I: 212; II: 203–204), однако ни отец Яня, Вышата, ни тем более Янев дед, Остромир, ни в патерик, ни в этот фрагмент летописного повествования уже не попадают.

Почему Якуну посчастливилось в этом отношении больше? Каким образом столь необычная атрибутика, связанная с этим варягом, побывавшим на Руси в 20-е годы XI столетия, не только закрепились в летописи, но и пошла, так сказать, дальше – проникла в патерик и в позднейшую агиографическую традицию?

Этим, на наш взгляд, Якун обязан некоему особому повороту в прижизненной и посмертной судьбе своих младших родичей, о чьих деяниях в патерике содержатся довольно подробные рассказы. Для разгадки книжного долгожительства Якуна наиболее важен, пожалуй, ономастический сюжет, связанный с его племянником; этот сюжет – весьма нетривиальный для патерика – безусловно, заслуживает отдельного обсуждения.

Напомним, что согласно патерику, первоначальным именем Якунова племянника, пришедшего на Русь, было *Шимон*, однако там же содержится рассказ о получении Шимоном нового имени, которое дает ему не кто иной, как Антоний, основатель Печерской обители. Это последнее обстоятельство при поверхностном чтении несколько затушевывает странность происходящего – святой, выбирающий для кого-либо имя, настолько устойчивый агиографический образ, что от современного читателя может ускользать необычность эпизода. В самом деле, Шимона не постригают в монахи,

Ѡ . днѣ . и положено бы^ѣ (тѣло . и положено бы^ѣ) тѣло еѣ в Печерьскомъ монастыри оу дверии ѡже къ оугу . и вчиниша над нею божницю . идѣже лежить тѣло еѣ» (ПСРЛ, I: 283; II: 260). Не менее показательна и детализированная запись о ее родственнице и примерной ровеснице, которая ушла из жизни значительно позже – дочери Ярополка Изяславича, которую погребли в Киево-Печерском монастыре: «Том же лѣ^ѣ прѣстави^ѣ . блжнаѣ княгини Глѣбоваѣ . Всеславича . дочи Ярополча Изаславича . сѣдѣвши по кнзи своемъ . вдовою лѣ^ѣ . м̃ . а всихъ лѣ^ѣ и ѿ ржѣтва . п̃ . и . д̃ . лѣ^ѣ . и положена бы^ѣ в Печерьскомъ монастыри . съ кнземъ въ гробѣ оу стго Федосьѣ оу головахъ» (ПСРЛ, II: 492). Замечательно, что в летописях есть не только сообщение о кончине ее мужа, Глеба Всеславича, которого она надолго пережила (ПСРЛ, I: 292; II: 285), но в «Повести временных лет» мы находим и специальное указание о том, что на его пожертвования и по его распоряжению в монастыре была построена трапезная (ПСРЛ, II: 259).

не крестят и уж тем более не перекрещивают¹³. Согласно рассказу патерики, с нашим варягом происходит нечто совсем иное, особенное:

Старець (= Антоний) же похвали Бога о семь, рекъ Варягови: «чадо, отселе не наречется имя твое Шимонъ, но Симонъ будетъ имя твое». Призвавъ же Антоній блаженнаго Θεодосіа, рече: «Симоне, сий хочетъ въздвигнути таковую церковь», и дасть ему поясъ и вѣнецъ. И оттоле великую любовь имяше ко святому Θεодосію, подавъ ему имѣнія многа на възгражденіе монастырю (Абрамович 1911: 4).

Почему повествователь проявляет столь неожиданное внимание к именам варяга и что он стремится поведать или объяснить читателю? Это свидетельство можно рассматривать по меньшей мере в двух перспективах: с точки зрения стоящих за ним исторических фактов и в русле определенной книжной традиции, с помощью которой эти факты преломлялись и осмыслялись. Однако самое интересное, на наш взгляд, находится на пересечении двух этих перспектив.

Если говорить об особенностях агиографического нарратива, то здесь обращают на себя внимание две библейские аллюзии, которые как бы срабатывают одновременно, и обе они связаны с переименованием варяга *Шимона* в *Симона*. Один подтекст – новозаветный – вскользь отмечался в исследовательской литературе: это не что иное, как параллель со знаменитым переименованием апостола из *Симона* в *Петра* (Мф. гл. 16, 16–18). В патерике эта изящная аллюзия обратного переименования (персонаж получает, а не утрачивает имя *Симон*) проступает тем очевиднее, что Петр, согласно евангельскому тексту, должен стать тем камнем, на котором воздвигнется церковь Христова, тогда как Шимона / Симона, согласно патерику, Антоний благословляет на возведение вполне конкретной церкви Успения Богородицы.

Однако здесь просматривается и еще одна параллель – ветхозаветная, – построенная на том бросающемся в глаза сходстве первоначального и нового имени, которое в евангельском сюжете с пе-

¹³ Собственно говоря, мы не знаем, насколько тотальный характер в глазах современников и потомков носило это переименование. Во всяком случае единственное летописное упоминание сына нашего варяга, Георгия, в Хлебниковском и в Погодинском списках Ипатьевской летописи сопровождается добавлением патронима *Шимонович* (ПСРЛ, II: 293, примеч. 21). В патерике же с момента переименования отца он последовательно именуется сыном Симона.

реименованием Симона в *Петра* отсутствует. Как легко заметить, *Шимон* и *Симон* обладают минимальным фонетическим и графическим различием, очень напоминая вариант одного и того же имени, так что на первый взгляд не совсем понятно, как и зачем менять одно на другое и в чем значимость такой перемены. По-видимому, здесь действует аналогия со знаменитой историей переименования *Аврама* в *Авраама* – «И не будешь ты больше называться Авраом; но будет тебе имя: Авраам» (Быт., гл. 17, 5), когда незначительное, казалось бы, изменение имени знаменует соприкосновение человека с Богом.

Вопрос о том, что на самом деле стоит за этим сообщением, как, например, в действительности именовались на своей исторической родине этот Шимон / Симон, его отец, названный в патерике *Африканом*, и брат, для которого указано имя *Фриад*, не раз привлекал внимание исследователей. В самом деле, ни *Африканов*, ни *Симонов* в исконном варяжском антропонимиконе XI в. не зафиксировано, однако подобного рода несовпадения и несоответствия в передаче чужого антропонима для русской средневековой традиции – дело вполне обычное. Некоторое экзотическое и непонятное для него имя составитель текста или очередной его переписчик мог передавать с помощью также достаточно экзотического, но куда более понятного и знакомого, и такого рода трансформации могли заходить довольно далеко¹⁴.

Гораздо важнее установить, как уже говорилось, почему у составителя патерика вообще возникла потребность вводить в свой рассказ столь необычный сюжет о переименовании. Ответ на этот вопрос теснейшим образом связан с тем, почему автору столь интересен Шимон / Симон, почему он столь внимателен к варяжской генеалогии, к теме варяжских реликвий в Печерском

¹⁴ Наш варяг и на родине мог носить христианское имя *Симон*, но в скандинавской огласовке – с шипящим согласным (этому простому объяснению несколько препятствует то обстоятельство, что христианских имен в Скандинавии в XI столетии не так много, а календарное имя *Симон* начинает фиксироваться в Норвегии лишь с середины XII в., а в остальных частях полуострова и того позднее [Lind 1905–1915, P. 903–904]). С другой стороны, он мог быть обладателем одного из чрезвычайно популярных во всей Скандинавии нехристианских имен с элементом *sigr-* (например, *Sigmundur*), которое было воспринято русскими книжниками как *Шимон*. Проблема реконструкции первоначального имени пришедшего на Русь Шимона / Симона требует отдельного, весьма обширного, обсуждения, однако каково бы ни было ее решение, в перспективе данной работы оно не будет иметь сколько-нибудь определяющего значения, а потому мы сознательно отвлекаемся от ее детального рассмотрения.

монастыре. Почему он берет на себя труд извлечь из летописи специфическую характеристику Шимонова дяди, участника Лиственской битвы?

На наш взгляд, в исследованиях патерика недооцененным остается тот факт, что рассказчик попросту был тезкой своего героя, варяга Симона. Практически ни у кого не возникает сомнений, что весь варяжский эпизод принадлежит к числу тех, что попали в патерик благодаря усилиям владимирско-суздальского епископа Симона, жившего на рубеже XII–XIII вв. Сведений о его жизни сохранилось не так уж много, но в первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что епископ Симон был выходцем из Киево-Печерского монастыря, где он, со всей очевидностью, и принял постриг с именем *Симон*¹⁵ – его ставший хрестоматийным панегирик родной обители, сохранившийся в составе послания Поликарпу, не оставляет в этом никаких сомнений (Абрамович 1911: 76). Известно также, что в церковном строительстве Владимира и Суздаля¹⁶ Симон стремился воплотить идею подобия Успенской церкви Печерского монастыря, той самой, ктитором которой был варяг Шимон / Симон [Ольшевская 1987, с. 393].

Участвовал ли сам будущий епископ в выборе иноческого имени, или это произошло исключительно по воле печерского игумена, Симон в любом случае не мог не быть осведомлен о мотивах и внутренней логике подобного наречения; получение монашеского имени, разумеется, означало и приобретение нового небесного покровителя. Иными словами, у нас есть все основания заподозрить, что епископ Симон столь подробно повествует о варяге Симоне, чья могила находилась в стенах монастыря, именно потому, что благодаря Шимону / Симону он и получил свое иноческое имя. Скорее всего, наш варяг, правнук ярла Хакона Могучего и племянник Хакона / Якуна Эйрикссона, принадлежал к числу тех, кто в домонгольское время почитался местно в Киево-Печерской обители. В самом деле, среди рассказов патерика именно история Шимона становится начальным эпизодом в истории обители, а вывезенная им из Скандинавии родовая реликвия (золотой пояс) сперва превращается в меру при закладке

¹⁵ Незадолго до своей смерти в 1226 г. епископ Симон принимает великую схиму, не переменяв при этом своего иноческого имени (ПСРЛ, I: 448). Последнее, впрочем, для Руси той эпохи было вполне регулярной практикой (см. об этом подробнее: [Успенский, Успенский 2017, с. 40–99]).

¹⁶ В этом городе епископ Симон провел несколько лет, последовав туда за Юрием Всеволодичем, одним из внуков Юрия Долгорукого.

Богородичной церкви¹⁷, а со временем оказывается чудотворным предметом, приносящим исцеление и манифестирующим, надо полагать, святость своего дарителя (Абрамович 1911: 9). Нет ничего удивительного, таким образом, в том, что своеобразный «киево-печерский патриотизм» (удачный термин, предложенный А.В. Назаренко) в XII в. побудил дать имя *Симон*, некогда избранное Антонием Печерским для варяга, одному из молодых насельников знаменитого монастыря.

Трудно сказать, был ли Симон / Симон единственным святым покровителем новопостриженника или перед нами очередной пример синкретического, совокупного почитания святых тезок, древнего и нового – Симона Зилота и Симона Варяга. Не исключено, что и некоторым другим киево-печерским инокам имена выбирались сходным образом, однако потомку хладирских ярлов особенно повезло – именно его соименник принялся за составление патерики, у него были возможность и потребность не только справиться с летописью, но и увековечить и расцветить монастырское предание о своем тезке и патроне, запечатлеть имена его жившего на Руси сына и оставшихся в Скандинавии родичей.

При этом владими́ро-суздальский епископ Симон мог использовать не только то, что слышал и видел лично, будучи насельником, а затем, возможно, и гостем Печерской обители; ему могли быть доступны и семейные предания живущих в непосредственной близости с ним потомков суздальского тысяцкого Георгия Шимонича. Весьма вероятно, что представители этого рода были среди тех, на кого Симон опирался, стремясь создать в Суздале некое символическое подобие киево-печерского благочестия – не даром в своем тексте он специально отмечает, что Феодосий Печерский предстоит перед Богом за весь род варяга Шимона / Симона так же, как за монахов собственного монастыря, что этому роду, в свою очередь, завещаны особая приверженность и любовь к Печерской

¹⁷ Ср.: «Паки възвратися к великому Антонію, сказа ему вещь дивну, тако глаголя: ‘отець мой Аѳриканъ съдѣла крестъ и на немъ изобрази богомужное подобіе Христова написаніемъ вапным, новъ дѣломъ, якоже Латина чтут, великъ дѣломъ яко 10 локот, и сему честь творя, отецъ мои възложи поясъ о чреслѣхъ его, имущъ вѣса 50 гривень злата, и венецъ злат на главу его. Егдаже изгна мя Якунь, стрый мой, отъ области моєа, азъ же взяхъ поясъ съ Іисуса и венецъ съ главы Его, и слышахъ гласъ отъ образа, обративъся ко мнѣ и рече ми: “никакоже, человекѣ, сего възложи па главу свою, неси же иа уготованное мѣсто, идѣже зиждется церковь Матере Моєа отъ преподобнаго Ѣѡдосіа, и тому в руцѣ вдаждь, да обѣситъ надъ жрътовникомъ Моимъ”. Азъ же отъ страха падохся, оцепнѣвъ, лежахъ, аки мертвъ, и, вставъ скоро, внидохъ в корабль’» (Абрамович 1911: 3–4).

обитатели и подчеркивает существование документа, согласно которому всякий потомок этого рода может быть погребен в самом монастыре или – в случае предельного обнищания – в его непосредственных владениях (ср.: Абрамович 1911: 63–64).

Итак, понадобилось весьма причудливое сплетение обстоятельств для того, чтобы на страницах древнерусских памятников появились представители по меньшей мере трех поколений определенного скандинавского рода, да еще и с недвусмысленным указанием на их варяжское происхождение. Для Якуна / Хакона, несомненно, оказалось большой удачей, что изгнанный им племянник Шимон не только осел на Руси, но и сыграл заметную роль в жизни такого крупного центра, как Киево-Печерский монастырь. Им обоим еще больше повезло в том, что выходец из этого монастыря, который через столетие с лишним взялся за составление патерики, в свое время при пострижении получил имя *Симон*. И, наконец, еще одной удачей стало то обстоятельство, что Симону, автору патерики, суждено было стать епископом Владимира и Суздаля, именно тех краев, где осели потомки Шимона / Симона и Георгия Шимоновича. Предание о норвежском ярле Хаконе Могучем оказалось в своем роде подводной частью этого нарративного айсберга – его имя осталось невостребованным русскими книжниками, однако именно связанные с ним аллюзии сделали фигуру его внука столь выразительной и в то же время загадочной. Безымянными остались и ближайшие наследники Георгия Шимоновича, хотя составитель патерики ясно дает понять, что в XIII в. этот род не прервался, как не прервалась его связь с Киево-Печерской обителью. Этот неисчезающий пункт варяжского родословия, как кажется, укрепляет предположение о том, что часть нетривиальных рассказов летописи – это не что иное, как отголоски родовых преданий знатных семей, чьи потомки так или иначе лично соприкасались с книжниками, причастными к созданию письменной истории Древней Руси.

Источники и словари

- Абрамович 1911 – Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1911.
- КЗ – Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- ПСРЛ, I–XLIII – Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб. (Петроград; Л.); М., 1841–2009. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.)
- СДРЯ, I–X – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–X. М., 1988–2013 (издание продолжается).

- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I–XXX. М., 1975–2016 (издание продолжается).
- Срезневский, I–III – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 2003. Т. I–III (репринт с изд.: СПб., 1890–1912).
- Фасмер, I–III – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–III. Изд. 3-е. СПб., 1996.
- Adam – Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum / Hrsg. von B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917.
- Ágr. – Ágrip af Nóregs konunga sögum. Diplomatarisk udgavelse / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Verner Dahlerup. København, 1880. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, bd. II.)
- Fsk. – Fagrskinna. Nóregs konunga tal / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, bd. XXX.)
- Hkr., I–III – Snorri Sturluson. Heimskringla. Nóregs konunga sögur / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. Bd. I–III. København, 1893–1901. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, bd. XXIII.)
- Jmsv. – Jónsvíkinga saga (efter cod. AM. 510, 4:to) samt Jónsvíkinga drápa / Utg. af Carl af Petersens. Lund, 1879.
- ÓTóddr – Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932.

Литература

- Гишпиус 2006 – *Гишпиус А.А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Горятиничей-Роговичей) // The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology (Slavica Helsingiensia. 27). Helsinki, 2006. С. 93–108.
- Гишпиус 2007 – *Гишпиус А.А.* Берство от плаща: Заметки о «золотой луде» Якуна «Слепого» // Terra Slavica / Terra Balcanica. К юбилею Т.В. Цивьян. М., 2007. С. 52–58.
- Гишпиус & Успенский 2000 – *Гишпиус А.А., Успенский Ф.Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени. Древнерусские антропонимические дублиеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем: Сб. тезисов XIX конференции памяти В.Д. Королюка / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2000. С. 29–36.
- Клосс 2001 – *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. М., 2001.
- Ламбин 1858 – *Ламбин Н.П.* О слепоте Якуна и его златотканой луде: Историко-филологическое разыскание // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Ч. XCVIII/5. Отделение II. С. 33–76.

- Литвина, Успенский, 2019 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия. 2-е изд., испр. М., 2019.
- Михеев 2008 – *Михеев С.М.* Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 27–32.
- Молчанов 1997 – *Молчанов А. А.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюратиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84.
- Назаренко 2001 – *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Ольшевская 1987 – *Ольшевская Л.А.* Симон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI – первая половина XIV в. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987. С. 392–396.
- Прицак 1997 – *Прицак О.* Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Том I. Київ, 1997.
- Унбегаун 1989 – *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии / Общ. ред. Б.А. Успенского. М., 1989.
- Успенский 2002 – *Успенский Ф.Б.* Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Успенский & Успенский, 2017 – *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Иноческие имена на Руси. СПб., 2017.
- Brate 1925 – *Brate E.* Svenska runristare. Stockholm, 1925. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, XXXIII/5-6.)
- Kunik 1844 – *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates. Erste Abtheilung. St.-Petersburg, 1844.
- Kunik 1845 – *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates. Zweite Abtheilung. St.-Petersburg, 1845.
- Lind 1905–1915 – *Norsk-Isländska Dopnamn ock fingerade Namn från Medeltiden / Samlade och utgivna med Förklaringar av E.H. Lind.* Uppsala; Leipzig, 1905–1915.
- Pritsak 1981 – *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Old Scandinavian Sources other than Sagas. Vol. I. Cambridge (Mass.), 1981.
- Stender-Petersen 1953 – *Stender-Petersen A.D.* Varangica. Aarhus, 1953.

References

- Brate, E. (1925), *Svenska runristare* (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, XXXIII/5-6.), Akademiens Förlag, Stockholm, Sweden.
- Gippius, A.A. (2006), "Scandinavian trace in the history of the Novgorod boyars (in the development of the hypothesis of A.A. Molchanov about the origin of the posadniks clan of the Gyuryatinichi-Rogovichi)", Nuorluoto, J. (ed.), *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology* (Slavica Helsingiensia. 27), University of Helsinki Helsinki, Finland, pp. 93–108.

- Gippius, A.A. (2007), "Escape from the cloak: Notes on the 'Golden Luda' of Yakun 'the Blind'", *Terra Slavica/Terra Balcanica. K yubileyu T.V. TSiv'yan* [Terra Slavica/Terra Balcanica. To T.V. Tsivian's anniversary]. ISIRAN, Moscow, Russia, pp. 52–58.
- Gippius, A.A. and Uspenskiy, F.B. (2000), "On the question of the relationship between the pagan and Christian names. Old Russian anthroponymic doublets in typological coverage", Florya, B.N. (ed.), *Slavyane i ikh sosedi. Khristianskii mir mezhdu Rimom i Konstantinopolem: Sb. tezisev XIX konferentsii pamyati V.D. Korolyuka* [Slavs and their neighbors. Christian world between Rome and Constantinople. Collection of abstracts of the 19th conference to the memory of V.D. Korolyuk], Moscow, Russia, pp. 29–36.
- Kloss, B.M. (2001), *Izbrannye trudy. T. II: Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov. Agiografiya Moskv, Tveri, Yaroslavya, Suzdalya. Skazaniya o chudotvornykh ikonakh* [Selected works. Vol. 2: Essays on the history of Russian hagiography of the 14th–16th centuries. Hagiography of Moscow, Tver, Yaroslavl and Suzdal. Legends of the miraculous icons]. Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Kunik, E. (1844), *Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates*. Erste Abtheilung, Druckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaft, Saint Petersburg, Russia.
- Kunik, E. (1845), *Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates*. Zweite Abtheilung, Druckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaft Saint Petersburg, Russia.
- Lambin, N.P. (1858), "On the blindness of Yakun and his gold-woven lude: a historical and philological search", *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Ch. 98/5. II. pp. 33–76.
- Lind, E.H. (ed.) (1905–1915), *Norsk-Islandska Dopnamn ock fingerade Namn från Medeltiden*, Lundequistska Bokhadeln Uppsala, Sweden; Otto Harassowitz, Leipzig, Germany.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2019), *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodeystviya* [A Praise to Generosity, a Skull Bowl, and a Golden Cloak... The Outlines of the Cultural Interaction between Russians and Varangians], 2nd ed., Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Mikheyev, S.M. (2008), "Varagian princes Yakun, Afrikan, and Šimon: Literary plots, name transformation and historical context", *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (32). pp. 27–32.
- Molchanov, A.A. (1997), "Jarl Ragnvald Ulfsson and his descendants in Russia (on the origin of the Ladoga-Novgorod posadniks clan of Rogovich-Gyuryatinich)", *Pamyatniki stariny: Kontseptsii. Otkrytiya. Versii: Pamyati V.D. Beletskogo, T. 2* [Ancient monuments. Concepts. Discoveries. Versions. In memory of V.D. Beletsky, Vol. 2]. IIMK RAN Publ., Saint Petersburg, Pskov, Russia, pp. 80–84.
- Nazarenko, A.V. (2001), *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnyye ocherki kul'turnykh, torgovykh i politicheskikh svyazey IX–XII vekov*. [Ancient Russia on the international routes: interdisciplinary essays on cultural, trade and political ties of the 9th–12th centuries]. Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Ol'shevskaya, L. A. (1987), "Šimon", *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. I: XI – pervaya polovina XIV vv.* [Dictionary of the Scribes and Booklore of Ancient Russia.

- Issue 1. 11th – the first half of 14th c.], ed. by D.S. Likhachev, Nauka, Leningrad, USSR, pp. 392–396.
- Pritsak, O. (1981), *The Origin of Rus'. Old Scandinavian Sources other than Sagas. Vol. I.* Harvard University Press, Cambridge (Mass.), USA.
- Pritsak, O. (1997), *Pokhozhdennyya Rusi: Starodavni skandinavski dzherela, T. 1* (krim islandskich sag) [The origin of Russia. The ancient Scandinavian sources (except of sagas). Vol. 1], Oberegi, Kiev, Ukraine.
- Stender-Petersen, A.D. (1953), *Varangica. Aarhus*, Bianco Lunos Bogtrykkeri, København, Denmark.
- Unbegaun, B.O. (1989), *Russkie familii* [Russian surnames], ed. by B.A. Uspenskiy, Progress, Moscow, USSR.
- Uspenskii, B.A. and Uspenskii, F.B., (2017), *Inocheskiye imena na Rusi* [Monastic Names in Medieval Russia]. Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Uspenskii, F.B. (2002), *Skandiny – Varyagi – Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki* [Scandinavians-Varangians-Rus': Historical and philological essays], Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анна Ф. Литвина, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; annalitvina@gmail.com

Федор Б. Успенский, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия; Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; fjodor.uspenskiy@gmail.com

Information about the authors

Anna F. Litvina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia, 105066; annalitvina@gmail.com

Fedor B. Uspenskii, Dr. of Sci. (Philology), corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences;

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russia, 105066; fjodor.uspenskiy@gmail.com